

Печать.

троем государственной власти и возмущать на себя задачу разрешения всех вопросов, связанных с восстановлением старых заводов и фабрик и возвращением их старым собственникам.

Было бы трудно да и безцельно в настоящее время говорить о подробностях организации этих ячеек, но оставаясь в области принципиальной постановки вопроса, следует отметить, что основу этих организаций должны составлять торговые промышленные объединения, на поведении которых должно лежать развитие и защита промышленности. Но вопросы больше или меньше интенсивного восстановления промышленности, — это вопросы, которые интересуют не только промышленность, так как и среди промышленников могут быть разного рода тенденции, но всегда при том свободная от своеобразных моментов. Поэтому в этом органе, устанавливаемом условия, на основании которых промышленные предприятия должны быть возвращены собственникам или признаваемы обязательному восстановлению не подлежащими, должны быть представлены и тех интересы, раньше всего потребителей, а затем и местных автономных властей, которые в большей или меньшей степени связаны с этими вопросами восстановления промышленных предприятий.

Мы очень далеки от мысли, что в тех условиях, в коих будет восстанавливаться Россия, возможно создать орган, который будет вполне удовлетворительно разрешать эти трудные вопросы восстановления тех или других фабрик. И это не смотря на то, что мы сознательно упростили этот чрезвычайно сложный вопрос. Дело ведь в том, что весьма часто бывает трудно решить даже и вопрос, кто является тем собственником, который имеет право заявить требование о возврате ему завода. Мы стремимся пока лишь к принципиальному вынесению вопроса. Но и в таком несколько упрощенном виде вопрос столь сложен, что в условиях восстанавливающейся России будет невозможно создать для этого совершенный орган; речь может идти только о том, чтобы из всех возможных организаций отстояться на наиболее удовлетворительном или даже на наименее неудовлетворительном. Идеальность решения нельзя будет получить, развеяв слишком велик, надо будет находить правые пути для постепенного приближения к удовлетворительным способам разрешения сложных задач русского государственного строительства.

А. И. Минина.

Троцкий все больше и больше забывает свою главную обязанность заботиться о преуспевании красной армии и сосредоточивать свое внимание на вопросах реформы быта, которой он посвящает безличный ряд километренных статей. Очевидно, в быту дело не ладно и каждый день «Правда» этот факт ярко иллюстрирует. Так, газета сообщает про завод «Серв и молот». Названию завода самое передовое, а быт, по словам «Правды»,

насыщен уродеством старого невежества. Уж если выражаются мужчины, так эти, как говорится, ролдасы матерщинниками, а те ведь и сами работницы без совести упражняются в трехэтажном красноречии.

В другом номере та же газета приводит другой случай из быта. На одного гражданина наложил штраф. Пытался гражданин в законном порядке добиться отмены штрафа, ничего не выходя. Но напелась «своя человек», который по удостоверению смитовховской газеты, имеется теперь вездь и всюду. Свой человек

устраивает интимную вечеринку, приглашает на нее наряду, зампрокурора, военкома и других лиц власть имущих в губернский город Вятки.

И, что вы думаете, адвокат добился отмены штрафа.

Сама газета откровенно признает, что это случай является сто первым.

В третьем номере еще один случай из быта. Рассказывает газета о том, что Астраханская губерния поражена недородом и вредителями. И вот как советская власть с вредителями борется. Купил крестьянин у агронома мора для истребления сусликов и пошел отравлять.

Нашел сусликовую нору, положил в нее вату с ядом. Смерть теперь суслику. Но суслик выскочил из норы и давай поносить вату. Поймал я суслика и с досады зажал ему в рот новую вату с ядом.

Но и эту вату суслик благополучно проглотил и вернулся в нору.

Таков быт, куда ни помотришь.

Письмо в редакцию.

М. Г. Т. Редактор.

В последнем номере Вашей газеты отмечено было «большое изумление» проф. Прокоповича по поводу приглашения обращенного к Вашему корреспонденту сообщения имющихся у него данных о красной армии. Г. Прокопович полагает, что участие прессы в раскрытии военных тайн должно быть решительно опротестовано каждым русским гражданином, что во всякой борьбе есть мера допустимого. В газете Вашей уже было указано, что г. Прокопович слышком поспешил со своей нотацией, не оправившись и не зная, о чем идет речь и для чего нужны эти сведения. Стремительная поспешность г. профессора свидетельствует либо об острой mal tougue, либо о непреодолимом опасении, что большевики могут быть свергнуты красной армией. Не менее приятно, что эта нотация г. Прокоповича напечатана в азербайджанских «Днях».

Но вот на что мне еще хотелось бы обратить внимание. Для за два до этого неуместного выступления г. профессора, в Вашей же газете было отмечено, что «Экономическая Жизнь» сделала выговор г. Прокоповичу за то, что «маститый профессор, пользуясь постом советской службы, предоставленным ему советской властью заграничным отпуском, разъезжает сейчас по Западной Европе и читает лекции об экономическом положении

России». По этому поводу Ваша газета замечает, что г. Прокоповичу не должно быть предоставлено, а быть он выслан.

Я отнюдь не хочу сказать, что быть может, и Ваша газета обнаружила стремительную поспешность. Но сам маститый профессор по поводу этого замечания «Экономической Жизни» молчит. Не правдив ли было бы при таких условиях, чтобы он и в данном случае предоставил любому другому русскому гражданину протестовать против напечатанного в «Руль» обращения, а сам бы не упустил такого удобного случая помолчать.

Читатель.

Примечание редакция. Редакция получила несколько писем и заявлений с глубоким возмущением по поводу грубой и безтактной выходки г. Прокоповича.

Малария в Донбассе.

В Харьков возвратилась комиссия народного комиссариата здравоохранения для выявления в Донбассе для исследования маларийной эпидемии. Комиссией установлено, что наиболее пораженными округами являются Бахмутский и Мариупольский, где в некоторых селах переболело почти поголовно все население. Число больных превышает 20 000 человек. Эпидемия развивается и захватывает Славянский и Святогорский курорты.

Германия и Лига Наций.

Немецкая лига защиты прав человека устроила на днях собрание по поводу желательности вступления Германии в Лигу Наций. На собрании было оглашено письмо Фридриха Нахсона к президенту Лиги, в котором он говорит, что положение Германии и Европы с каждым днем становится все хуже и что единственной выход из положения является сознательная и планомерная работа всех народов. Если Германия войдет в Лигу Наций, то это окажет совершенно благотворное влияние, как на судьбы ее самой, так и на судьбы всей Европы.

В том же смысле высказались и президент рейхстага Лебе и профессор Альберт Эйштейн.

Известный германский военачальник генерал фон Деймлинг обратил вопрос с военной точки зрения. Он сказал между прочим: «Я высказываюсь за то, чтобы наше несчастное отечество вошло в Лигу Наций, так как из опыта мировой войны я вынес твердое убеждение, что будет лучше и разумнее народом договариваться друг с другом, чем взаимно разбивать головы». Обращаясь к праным кругам требующим объявления Франции войну генерал сказал, что только лишь безумные могут надеться вести войны с ружьями и револьверами против тяжелой артиллерии, танков и воздушных эскадр с левантийскими гранатами. Такая война обречена Германия на груду развалин. Подобные требования являются не только безумием, но и преступлением. И все эти патристы играют лишь на руку Пуанкаре. Генерал фон Деймлинг предложил потребовать от германского правительства, чтобы оно немедленно предприняло шаги к вступлению Германии в Лигу Наций в наиболее короткий срок. Огромным большинством собрание приняло предложение об отправке соответствующей телеграммы рейхсканцлеру и министру иностранных дел.

Короткие сообщения.

— Госпожа Джесси Вебб, преподавательница истории в университете в Мельбурне, назначена представительницей Австралии на съезде Лиги Наций.

— Франция и Польша внесли в Лигу Наций заключенный ими в 1921 году оборонительный договор для регистрации и опубликования.

— В Бомбе в августе состоится специальная сессия «конгресса всей Индии» для решения вопроса, следует ли объявить бойкот на предстоящих выборах в законодательные собрания.

— Французский парламент одобрил законопроект об ассигновании 40 000 фр. на покрытие расходов по погребению Жюльена Вю (Пьера Лоти).

Вь шорахъ.

I.

Сопоставление эмиграции и советской России — давнишняя тема; можно сказать — истонная эмигрантская тема; вечно новая для последовательно появляющихся за границей волей русских выходцев, чуждых тому, что писалось до них, но несколько старящая по своей повторности для тех, кто пережил уже не одну такую волну. Недавно в этой темѣ снова вернулась А. Бѣлый въ статью, напечатанной въ «Бесѣдѣ».

Вь отличие от сопоставления «двухъ России» въ политической плоскости Бѣлый сопоставляет ихъ въ культурной. Но если политическое сопоставление обыкновенно неосновательно по своей произвольности, то культурное уже завѣдомо неопустимо по своей безопытности. Что можетъ быть несомнѣемымъ огромнаго государства, давнишей культуры съ безконечными запасами и залежами, которыхъ (какъ и цѣнности материальныя) годами уничтожатъ и разбазарятъ, и все таки не выгораеешь, — съ биваками обжившихся временно переживающихъ лихолѣтье людей еле переживающихъ въ чужой средѣ. Тамъ могуче столѣтне пласты общественныхъ накопленій, семейныхъ традицій, овегцествленн въ зданіяхъ, въ вещахъ, въ мостахъ и напѣвахъ, въ паркахъ и язькѣ, въ музеяхъ и обстановкѣ, въ иррациональной непрерывности созданной среды; здѣсь отдѣльные люди, — хотя бы и много, и цѣнные люди — заново на протяжении нѣсколькихъ хаотическихъ лѣтъ строящие не только общее культурное дѣло, но и самую элементарную жизнь свою, безъ орудій и безъ фундамента, безъ среды, безъ непрерывности не только со своимъ прошлымъ, но и другъ съ другомъ. И если сопоставление этихъ двухъ несомнѣмыхъ величинъ оказывается хоть въ какомъ нибудь смыслѣ все

же возможнымъ, то понятнѣе безмѣрно и потрясающее разрушение великой культуры, и понятнѣе сверхъ ожиданій напряженны и счастливы усилія на бивакахъ столпившихся бѣглецовъ.

Андрей Бѣлый, видимо, не подозреваетъ этихъ отношеній и, не задумываясь, сопоставляетъ культурное производство «Россіи» и «эмиграціи», не понимая, что отдавая первой въ этомъ соревнованіи пальму первенства, онъ самой возможности сопоставления провозвѣст надъ ней сверхъ всякой мѣры жестокой приговоръ.

Еще интереснѣе самаго сопоставления — его содержание. Для Бѣлаго культурное творчество в Россіи и эмиграціи сводится главнымъ образомъ къ литературѣ; стихи, рассказы, лекціи — на этомъ сосредоточивается сопоставление, въ этомъ «Россія» превосходитъ и побѣждаетъ «эмиграцію». Поразительная безнадѣжность ограниченной литературныи оказывается въ этомъ подходе. Можно — отнюдь не будучи поклонникомъ советской Россіи а priori утверждать, что въ культурное производство не ограничивается и не измѣряется числомъ даже хорошихъ стиховъ, въ ней производимыхъ. Сопоставление черезъ стихи и лекціи характерно не для сопоставляемыхъ, а лишь для сопоставляющаго. Что видитъ онъ и въ Россіи и въ эмиграціи, если въ этомъ для него мѣрило равенства?

Надо, впрочемъ, къ тому же отмѣтить, что даже и въ плоскости такого сравненія — оно произведено съ рѣдкой неряшливостью. Такъ, для опшествованія эмигрантскаго творчества взятъ нѣкій приткнй смѣловъковецъ въ компаніи съ другимъ мало извѣстнымъ писателемъ; творчество же нѣкншней Россіи воплощаютъ и такіе давние писатели, какъ Сологубъ, Ремизовъ, Горькій и писатели моложе, но во всякомъ случаѣ еще дореволюционнаго времени, какъ Ахматова, Гумилевъ, Цѣтваева и др., и наконецъ, нѣсколько именъ послѣднихъ лѣтъ. Въ эмиграціи «сталинщина», а тамъ — «здания и корифеи работали».

И не стану подвергать сравнительной оцѣнкѣ переполненныхъ и не перечисленныхъ Бѣлымъ писателей. Не остановлюсь и на его фразѣ, оскорбительной своей — по меньшей мѣрѣ удивительной нетактичностью: тамъ въ «русской Россіи» «творчески жили: и Гумилевъ, и Ахматова»... Гумилевъ, какъ свидѣтель творческой жизни советской Россіи — это слышомъ сильно даже и для писателя, которому почему то добросердечно какъ бы условилось не ставить всякаго лыка въ строку. Пускай, пускай. Но даже и съ этой точки зрѣнія — какая неряшливость. Вѣдь, если въ Петербургѣ Сологубъ, то въ Парижѣ — хотя бы Бунинъ, Мережковский. А «корифеи» перечисленные Бѣлымъ — Горькій, Ремизовъ — да они уже давно въ Берлинѣ (какъ, впрочемъ, и самъ Бѣлый); а не корифеи — Цѣтваева, Ходасевичъ — да они здѣсь же. Какой же смыслъ въ книгѣ вышедшей въ Берлинѣ въ 1923 г. приводить въ доказательство тамошняго культурнаго процвѣтанія людей, откуда уѣхавшихъ, длительно здѣсь обшнвшихъ, издающихся въ Берлинѣ, а не въ Москвѣ журналы, здѣсь и тамъ печатающихъ свои произведенія. Много ли нужно умственной последовательности, чтобы сдѣлать противоположный выводъ: вотъ Гумилевъ — убитъ (Блокъ умеръ); вотъ другіе, и въ томъ числѣ такіе персонае gratissimae тамошняго строя, какъ Горькій перебралосъ сюда, не принужденно, а по доброй волѣ, и молчаливые тамъ, здѣсь шумятъ, издаютъ журналы. Кто съ шумомъ принудительно выселяютъ, кто тихомолкомъ и самъ «отъѣзжаютъ». Выводъ логенъ.

Но не ралия него я пишу. Никакой охоты у меня нѣтъ «запнщать» эмиграцію, приводить списки писателей, профессоровъ или артистовъ, обшнвшихъ или бродящихъ по чужимъ краямъ. Нѣтъ охоты разбавлять утвержденіе Бѣлаго, противодѣйствовать введенію имъ въ заблужденіе мало-внимательныхъ читателей. Монѣе, всего

охота лишній разъ разоблачить нѣкншнюю советскую жизнь. Мои сейчасъ интересуютъ не «эмиграція», и «Россія», а Бѣлый въ своихъ утвержденіяхъ о нихъ.

Пока онъ — по его собственному выраженію — «загибаетъ, что то кругомистическое» (Эпопея п. 2 стр. 236), такъ что князь С. Трубецкой заявляетъ: «не появляй ни слова я въ воѣ Борейши Бугаева» (тамъ же), можно при желаніи вѣрять его глубокомыслию, въ то, что кн. С. Трубецкой до него не доросъ. Но когда Бѣлый говоритъ простыя вещи простымъ языкомъ, то нельзя же къ нимъ относиться тоже почтительно, какъ къ загадочному вѣщанію. Тутъ ужъ и простыми смертными разбирается судить.

Нѣкогда Бѣлый былъ для многихъ не-пріемлемъ потому, что его не понимали; времена измѣнились, и теперь многие его пріемлютъ — по той же причинѣ. Пускай такъ. Но онъ становится понятнымъ, и — ужъ — понятнымъ, переставая казаться глубокомысленнымъ, не становится отъ того болѣе убедительнымъ.

II.

Но литературное сопоставление ведется Бѣлымъ и дальше. Хотя въ статьѣ рѣчь ведется объ эмиграціи, вообще она сосредоточивается на эмиграціи въ Берлинѣ; и хотя ей противопоставляется «Россія въ Россіи», но рѣчь идетъ въ «лучности» о Москвѣ и Петербургѣ. Что же Бѣлому не понравилось въ Берлинѣ и нравятся въ Москвѣ?

Въ Берлинѣ ему не понравились собранія по кафе русскихъ литературныхъ и прочихъ съездовъ, не понравились еще то, что мало поощряютъ и интересуются его лекціями — такъ что онъ даже бросилъ ихъ читать. Пріѣхавъ онъ съ планами, рассчитывая, что заведуетъ «студіей», лекція, разборъ стихосложения и то, что смнлой непосредственностью онъ называетъ «философіей». Но студія и философ-